

§ 4 ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сычев Д.А.

ПРОКУРОР В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: Статья посвящена вопросам генезиса и развития функций уголовного преследования и надзора в процессуальной деятельности прокурора в ходе досудебного производства по законодательству Российской Империи. Через анализ эволюции правовых норм регламентирующих деятельность прокурора (от создания должности генерал-прокурора до формирования судебной системы на основе Устава уголовного судопроизводства 1864 года) вскрывается ее сущностное содержание. Устанавливается неотъемлемость и присущность для сформировавшегося института прокурора в РИ и его эффективной деятельности в досудебном уголовном процессе одновременное осуществление надзора и обвинения. Обосновывается тезис о том, что соотношение и соподчиненность на этом этапе надзорной функции и функции уголовного преследования зависит, прежде всего, от включения и развития начал состязательности в досудебное производство и их соотношения с началами розыска. Методологической основой исследования являются положения диалектического метода познания. Наряду с ним в ходе исследования используются системный, сравнительно-правовой, логико-юридический и исторический методы научного исследования. Новизна заключается в комплексном историко-правовом исследовании содержания и реализации прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса по законодательству Российской Империи. С учетом анализа правовых источников, сравнения научных точек зрения дореволюционных и современных авторов делается вывод о формировании в дореволюционной России прокурора как процессуальной фигуры одновременно осуществляющей в ходе досудебного производства две функции: уголовное преследование и надзор.

Abstract: The article is devoted to the issues of genesis and development of the functions of the criminal prosecution and supervision in the procedural activities of the prosecutor in the course of pre-trial proceedings in the legislation of the Russian Empire. Through the analysis of the evolution of the legal norms regulating the activities of the prosecutor (from the institution of the Prosecutor-General to the formation of the judicial system based upon the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864) the author discusses the contents of this system. The author establishes significant features of the institution of prosecutor in the Russian Empire and its efficient activities in the pre-trial judicial proceedings involving simultaneous prosecution and supervision activities. The author substantiates the thesis that correlation and co-dependency of supervision and criminal prosecution functions at this stage mostly depends on introduction of the dispositive elements in the pre-trial proceedings and their correlation with the inquiry elements. The methodological basis for the studies involves the provisions of the dialectic cognition method. In addition the author uses systemic, structural, comparative legal, logical legal and historical scientific research methods. Novelty of the study is due to the complex historical and legal studies of contents and implementation of the functions of prosecution and supervision by the prosecutor at the pre-trial stages of criminal process according to the legislation of the Russian Empire. Taking into account the analysis of the legal sources, comparative studies of the pre-Revolution and modern authors, the author makes a conclusion that in the pre-Revolution Russia the prosecutor as a procedural figure simultaneously implemented criminal prosecution and supervision in the course of pre-trial proceedings.

Ключевые слова: Прокурор, уголовно-процессуальные функции, надзор, уголовное, преследование, уголовный процесс, обвинение, досудебное производство, Устав уголовного судопроизводства, должность генерал-прокурора.

Keywords: Prosecutor, criminal procedural functions, supervision, criminal prosecution, criminal process, prosecution, pre-trial proceedings, Charter of Criminal Judicial Proceedings, position of the Prosecutor General.

Политические события, связанные с коренным преобразованием Петром Великим российской государственности во всех областях со всей необходимостью вызвали построение нового аппарата управления для новой России. Центральным органом имперской администрации стал Сенат. В указе 2 марта 1711 года Пётр говорит: «мы определили управительный Сенат, которому всяк и их указам да будет послушен, как нам самому, под жестоким наказанием, или и смертью, смотря по вине»¹. При этом судебные функции, как на сенатском уровне, так и в провинции не были отделены от административных, фактически уголовные дела расследовались и рассматривались самими сенаторами и «чиновниками канцелярий губернатора и воеводы»².

«Суду и очным ставкам не быть, а ведать все розыском», – повелевает Указ 1697 года. В «Кратком изображении процессов» являвшимся приложением к «Воинскому уставу 1716 года» указывалось: «процесс есть, когда судья ради своего чину, по должности судебной вопрос и розыск чинит, где, каким образом, как и от кого учинено преступление»³, им устанавливалось преимущественное значение письменности в судопроизводстве, резкое ограничение прав обвиняемого, превращенного в объект пытки и формальная система доказательств, сила которых определена законом⁴. Факт мог считаться доказанным при наличии одного совершенного доказательства. Частное лицо, в том числе сам потерпевший, почти исчезает из публичной обвинительной деятельности, а право последнего на уголовное преследование во имя общего интереса низводится до обязанности доноса в интересах государственного порядка. Указ Петра Великого «О формах суда» 1723 года предписывает ряд мер, сводящихся к ускорению производства, и делает системным сокрытие пунктов обвинения от привлекаемого к суду.

Одновременно с указанным следует отметить, что административные органы, производящие расследование и осуществляющие правосудие, в значительной мере были подвержены интересам местничества, заражены мздоимством и не отвечали интересам зарождающейся империи. Как справедливо указывает

Н. В. Муравьев: «Отдельные, еще не сплоченные части новой правительственной машины нуждались в объединении какую-либо живою и деловую силой, которая охраняла бы везде правильное применение истинной мысли Государя, оберегая при этом и драгоценные для его преобразований финансовые интересы фиска или казны»⁵. «Для того, чтобы сделать его (Сената) деятельность органом контроля, необходимо было еще учреждение с чисто личным характером, созданное для непрерывного надзора и преследования»⁶, пишет А. Д. Градовский. Таким дополнением стало учреждение Петром I в 1711 г. при Сенате, а затем и на периферии особых должностных лиц – фискалов, определенных к тайному наблюдению за ходом и справедливым разрешением дел во всех губернских присутственных местах. Законодателем фискалат мыслился как система органов охраны законности, порядка и интересов казны, без точного определения содержания и границ такой деятельности, с широким предоставлением дискреционных полномочий самим охранителям. Реализация поставленных задач виделась средствами надзора и элементами уголовного преследования, коими были доносительство, тайный надсмотр и проводывание в самом нецивилизованном виде. За годы своего существования фискалат не стал сколько-нибудь эффективным органом надзора, как по причине размытого организационного построения фискальной службы, так и тихого саботажа самим Сенатом в рассмотрении дел возбужденных фискалами и их передачей в различные приказы, конторы и канцелярии, где они заволокивались, а в ряде случаев и терялись.

Разумным продолжением идеи фискалата стало образование 27 апреля 1722 году при Сенате должности генерал-прокурора, а затем при коллегиях и прочих присутственных местах должностей обер-прокуроров и прокуроров. Обязанностями прокуроров становится широкое поле деятельности в виде наблюдения за правильным отправлением дел во всех государственных органах, наблюдение за справедливостью решений Сената и коллегий, а также прием донесений и наблюдение за деятельностью фискалов. Свообразным катализатором ее появления явилась реформа Сената. Указом от 18 января 1722 года Петр I фактически превратил Сенат в судебно-надзорный орган «смотре-

¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т.IV.1700-1712. СПб., 1830. № 2330.

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С.689, 703,704.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Том 5 (1713-1719). №3004. СПб., 1830. С. 388.

⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 710, 712.

⁵ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889.С. 245.

⁶ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866.С. 89.

ния» за коллегиями «яко свободные от них»⁷, путем выведения подавляющего большинства коллегий из состава Сената. Потребовалась система замыкающая круг всеобщего надзора. Был необходим «надзиратель за надзирателями»⁸, т.е. за фискалами и сенаторами.

Законодательной основой прокурорской службы стали: 1) специальные тематические нормативные акты, посвященные как генерал-прокуратуре Сената, так и прокуратурам других учреждений: Указ «Должность генерал-прокурора», дополнявшие его именные указы от 30 января и от 24 октября 1723 года, Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода, Именной указ об образовании синодальной прокуратуры, Глава 2 Морского (Адмиралтейского) регламента; 2) нормативные акты другой направленности, но напрямую затрагивающие вопросы компетенции или организации деятельности прокурорского надзора: Табель о рангах от 24 января 1722 года, именной указ от 5 февраля 1722 года, инструкция главе Московской конторы Сената от 06 апреля 1722 года, закон «Должность Сената» от 27 апреля 1722 года и другие. Наиболее системно и детально функциональные обязанности прокурора были изложены в главе 2 Морского (Адмиралтейского) регламента от 5 апреля 1722 года⁹.

На основании анализа этих актов можно говорить о кристаллизации в качестве базисной общенадзорной функции генерал-прокуратуры – «...широкому контролю за всеми государственными учреждениями и охранению силы и действия законов...»¹⁰ с проявлением таковой и в уголовном судопроизводстве – полномочности вносить коррективы в действия судебного органа (Сената, Синода, коллегий) по типу обратной связи – «протестовать и доносить Генерал-прокурору», «немедленно Сенату, Синоду предлагать должен»¹¹, а в ряде случаев и непосредственно императору.

Само уголовное преследование как таковое, на что обращал внимание М. А. Чельцов¹², в это время оставалось вне компетенции прокуроров, которые наблюдали за рассмотрением уголовных дел так же, как и за ведением всех дел в других учреждениях.

Исключениями были случаи самостоятельных расследований, проводимых генерал-прокуратурой на основании высочайших распоряжений силами собственной следственной канцелярии до реорганизации ее в 1723 году в Розыскную контору только что основанного Вышнего суда¹³. Свообразное посредничество в осуществлении функции уголовного преследования также выражалось в виде передачи фискальских доношений, но на практике это проявилось слабо. История сохранила всего четыре эпизода о поддержанных прокурорами в Сенате обращений фискалов об уголовном преследовании¹⁴. Впоследствии прокуроры лишились и такого права с учреждением должности генерал-фискала. В законе «О должности генерал-фискала...» от 27 апреля 1725 уже ничего не говорится о какой-либо организационной либо правовой связи фискальского и прокурорского надзоров.

По общему признанию¹⁵, при возникновении прокуратуры в России главное место в ее деятельности занимало вовсе не обвинение – «то было охранение законов в обширном смысле, наблюдение за их исполнением преимущественно в казенном, а также в общественном интересах. Собственно судебная, обвинительная или исковая деятельность в этих интересах составляла лишь одно из частных дополнений к функции надзора, едва намеченное в законе, слабое и незначительное на практике»¹⁶. Между тем генезис самой прокурорской власти, по правильному утверждению того же Н. В. Муравьева неотрывно связан с потребностью «не оставлять без возмездия многие противообщественные нарушения, по которым не являлось частного жалобщика – потерпевшего, или которые случайно ускользали от розыскной деятельности и администрации и суда»¹⁷, т.е. публичного уголовного преследования. Аналогичную точку зрения разделяют В. Соколов¹⁸ и Н. Чернявский¹⁹.

¹³ Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725): историко-правовой очерк. – Новосибирск, 2002. С.124–125.

¹⁴ Там же. С. 105–110.

¹⁵ Кожевников О.А. История прокурорского надзора за законностью расследования преступлений (1722–1917). Екатеринбург, 2004. С.5, 6; Беляев В.П., Борисов Г.А., Горячковская Ю.М., Теплов В.М. Прокурорский надзор в России: Историко-теоретический очерк. Белгород, 2001. С.37; Королев Г.Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Книга первая. Нижний Новгород, 2004. С.14 и др.

¹⁶ Муравьев Н.В. Указ. соч. С. 359.

¹⁷ Там же. С. 359.

¹⁸ Соколов В. О прокурорском надзоре. М., 1869. С.11.

¹⁹ Чернявский Н. Указ. соч. С.17.

⁷ ПСЗ РИ-1. Т.VI. № 3878.

⁸ Казанцев С.М. История царской прокуратуры. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. С.29.

⁹ ПСЗ РИ-1. Т.VI. №3937.

¹⁰ Чернявский Н. Прокурорская власть. Нижний Новгород, 1917. С.17.

¹¹ ПСЗ РИ-1. Т.VI. №3970; ПСЗ РИ-1. Т.VI. №4036; ПСЗ РИ-1. Т.VII. № 4507.

¹² Чельцов – Бebutов М.А. Указ. соч. С.700–701.

После кончины Петра I для основанной им российской прокуратуры наступил период безвременья. Он связан с основанием Именным указом Екатерины I от 8 февраля 1726 года²⁰ нового государственного коллегиального органа – Верховного Тайного Совета с подчинением ему Сената и не включением в него генерал-прокурора. При этом специального нормативного акта об упразднении прокуратуры издано не было²¹, а полномочия даже формально расширены Именным указом «О должности Сената» от 7 марта 1726 года²². Так, дела, которые ввиду недостаточности компетенции не могли быть рассмотрены в коллегиях, необходимо было «Президентам из тех Коллегий вносить и объявить генерал-прокурору», для устранения волокиты прокуроры наделялись правом устанавливать сроки рассмотрения дел – «иметь песочные часы ..., а больше показанного времени в рассмотрении не чинить» и правом прекращения рассмотрения дел, но одновременно «доносить Нам в Верховном Тайном Совете». Анализ Именных указов «О должности Сената» от 7 марта 1726 года и «О утверждении Сенату приговоров по маловажным винам, и о представлении в Верховный Тайный Совет дел, по важным уголовным преступлениям», которыми предписывалось «впредь о таких колодниках, которые являться будут не в важных делах, чинить решение по указам Сенату» позволяет заключить о наличии у прокурора помимо надзорной функции части реализуемых коллегиально с сенаторами и неразделимых друг от друга функций уголовного преследования и рассмотрения дела по существу. Аналогичные права Именным указом от 7 июня 1728 года «О рассматривании и конфирмации в Военных Коллегиях приговоров по делам уголовным о нижних воинских чинах, не представляя в Сенат»²³ давались прокурору военной коллегии. Однако, как указывает В. И. Веретенников, обер-прокурор Бибииков (сменивший на посту ушедшего из Сената генерал-прокурора Ягужинского) «никогда не идет за пределы «инстигования»²⁴ предложенного направившим дело в Сенат нижестоящим прокурором; «он всегда исключительно представляет дело Сенату, отнюдь не касаясь вопроса о том или ином его решении»; «без всякого даже формально «инстигования»

²⁰ ПСЗ РИ-1. Т. VII. №4830.

²¹ Градовский А.Д. Указ. соч. С.139.

²² ПСЗ РИ-1. Т.VII. № 4847.

²³ ПСЗ РИ-1. Т.VII. № 5279.

²⁴ Дореволюционные авторы определяли данный термин как «побудительное производство по надзору», чему в современной терминологии наиболее близко на наш взгляд «поддержание обвинения».

со своей стороны»²⁵. На практике надзор был удален не только из верховной власти. К 1729 году ликвидируется большинство должностей прокуроров²⁶, а также подвергается расформированию институт фискалата, незадолго до этого, Сенатским указом «О предании забвению дела по доношениям Фискалов и доносителей и о неподаче впредь доносов мимо Фискалов» от 23 июня 1725 года²⁷ получивший в свое исключительное ведение такое полномочие в реализации уголовного преследования как «доносительство».

Высочайшим Манифестом от 2 апреля 1730 года прокурорский надзор с формальной стороны восстанавливался по петровскому образцу, однако на деле и после издания вышеупомянутого закона оставался бессильным, так и не обретя своего утраченного влияния до восшествия на престол Екатерины II.

С признанием неэффективности прежней центральной администрации 15 декабря 1763 года императрицей принимается Манифест о разделении Сената на департаменты и установлении штатов различным присутственным местам. С проведением Екатериной II линии на децентрализацию также происходит масштабная организация периферийных судебных органов ставших отправлять правосудие самостоятельно и независимо от органов государственного управления. Согласно «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года²⁸ (далее Учреждение) судебная система губернии образовывается судами, рассматривающими дела о незначительных преступлениях (для дворян – уездный или окружной суд, для городских купцов – городской магистрат или ратуша, для государственных крестьян – нижняя расправа) и судами, рассматривающими дела о тяжких преступлениях, за которые обвиняемый «подлежит лишению жизни, или лишению чести, или торговой казни» (для дворян – верхний земский суд, для городских купцов и мещан – губернский магистрат, для государственных крестьян – верхняя расправа). В качестве органа апелляционной и ревизионной инстанции во главе судебных органов губернии стояла палата уголовного суда.

Меж тем проведенные преобразования законодательства как при Екатерине II, так и в последующие царствования (включая Свод Законов 1857 года), вплоть до реформ Александра II, не изменили самого существа

²⁵ Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до-Екатерининского времени. Харьков, 1915. С.109.

²⁶ ПСЗ РИ-1. Т.VIII. № 5494.

²⁷ ПСЗ РИ-1. Т.VII. № 4738.

²⁸ ПСЗ РИ-1. Т.XX. №14392.

уголовного процесса. По-прежнему, все уголовное судопроизводство наполняло характерное для полицейского государства инквизиционное начало, игнорировавшее права обвиняемого, как личности, так и стороны в процессе, связывающее свободу судейского убеждения. В ряду доказательств на первом месте стояло признание подсудимого – «лучшее свидетельство всего света». Торжество формальных улик дополнялось несвободой в оценке доказательств: при равной степени достоверности свидетелей, в случае их противоречия, преимущество отдавалось мужчине над женщиной, знатному над незнатным, ученому над неученым, духовному над светским. Стремление добиться признания обвиняемого находило свое осуществление в крайне уродливых и бесчеловечных формах, несмотря на юридическую отмену пыток в 1801 году.

Одновременно с этим развитие института прокуратуры получает новый импульс.

В направляемых Екатериной II письмам генерал-прокурору Вяземскому, в т.ч. от 9 декабря 1764 года, а также в известном «Секретнейшем наставлении» по существу сохраняется взгляд на систему прокуратуры присущий её основателю. Образуется и прокурорская вертикаль во главе с генерал-прокурором, основной функцией которого сохраняется «ближайший надзор за производством дел в Сенате», который и «ныне с трудом привыкает к порядку», а также в местах губернских и уездных» рассматривающих дела о тяжких преступлениях. Генерал-прокурор пользуется правом каждодневного доклада о делах рассмотренных Сенатом Императрице, испрашивает высочайшее мнение по спорным вопросам. Однако с выведением прокуратуры из-под грифа «быть при Сенате», призыве генерал-прокурору служить «Её политическому интересу», надзирать не только за внешней, формальной законностью, но и всей логикой государственной машины в деятельности прокуратуры возрастают министерские управленческие начала в деятельности прокурора, порою превалирующие над надзорными²⁹.

Рассуждая о месте прокурора в уголовном судопроизводстве, Екатерина II в 1767 году в ст.ст. 138, 139 своего «Наказа Комиссии по составлению проекта нового уложения» Екатерина II, с определением частных и публичных преступлений, указывает на наилучшую для каждого из этих видов преступлений форму преследования. «В некоторых государствах король, будучи возведен на престол для того, чтобы законы во всех дер-

жавы его странах были исполняемы, по установлению закона во всяком правительстве сажает чиновного человека ради гонения преступлений именем самого короля, отчего звание доносителей в тех землях неизвестно. А ежели когда на сего нарочного мстителя подозревают, что он употребляет во зло должность ему порученную, тогда принудить его объявить имя своего донощика. Сей чин в обществе установленный бдит о благосостоянии граждан; тот производит дело, а они спокойны. У нас Петр Великий предписал прокурорам изыскивать и производить все безгласные дела; если бы к сему прибавить еще чин или особу вышеописанную, должностью обязанную, то бы и у нас менее известны были донощики»³⁰. Таким образом, законодатель, говорит о необходимости наделения прокурора действенными правами по реализации функции публичного уголовного преследования, которая прежде проявлялась эпизодически и в сугубо сокращенном виде, находя этому вполне достойное теоретическое обоснование с опорой на зарубежный опыт. В итоге прокуратура Российской Империи получила те же права и обязанности в сравнении с французской прокуратурой по обеспечению государственной законности, общественного порядка и должностного преследования преступлений с тем различием, что во Франции инициатива уголовного преследования целиком принадлежала прокурору, в России же только по делам публичного уголовного преследования – делам безгласным.

В ст. 404 Главы 27 «О прокурорской и стряпческой должности» Учреждения применительно к уголовно-процессуальной деятельности прокурора указывалось, что «вообще губернские прокуроры смотрят и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка, законами определенного, и в производстве и в отправлении самих дел... и долг имеют повсюду истреблять зловредные взятки». Прокурору «для совета» были приданы стряпчие – должностные лица, учреждавшиеся в губерниях и уездах, а также при верхних судах с целью «поспешествования правосудию и для сохранения доброго законами установленного порядка в судебных местах». В области надзора за следствием и дознанием, проводимым полицией (в соответствии с Учреждением и Уставом благочиния или полицейским 1782 года), нижними земскими судами, управами благочиния стряпчие наделялись правом смотреть, чтобы следствие производилось с возможной скоростью, не было пристрастных допросов и бесчеловеческих истязаний. При этом специальных процессуальных форм, посред-

²⁹ Казанцев С.М. Указ. соч. С.81; Веретенников В.И. К истории Екатерининской генерал-прокуратуры. Харьков, 1914. С.9, 15.

³⁰ ПСЗ РИ-1. Т. XVIII. №12949.

ством которых прокурор осуществлял бы такой надзор, закон не предусматривал. Наряду с осуществлением надзора, стряпчие, в соответствии со ст.ст. 407, 408.3 Учреждения получили право давать судам заключения по неясным вопросам – доносить о «неточном в судебном месте исполнения законов», «быть взыскателями исполнения узаконений, наказания преступления, а невинности защитой». Отношения каждого прокурора и состоящих при нем двух стряпчих – как истцов по делам казенным и делам, нарушающим общественный порядок и противным власти и присяжной должности, основывалось на их единстве: «почитаются, что они все трое едиными устами говорят».

Таким образом, в руках губернского прокурора концентрируются функции по уголовному преследованию и надзору за следствием и судом. Однако, говоря о деятельности прокуроров и стряпчих в области уголовного преследования, нельзя не заметить, что таковой опять не придавалось самостоятельного значения. Донесение губернского стряпчего с полученным письменным заключением прокурора обретало юридическую силу лишь после одобрения губернского правления.

Взгляд на прокуратуру как на преимущественно надзорный орган сохраняется и в последующие царствования Павла I и Александра I. А с учреждением 8 сентября 1802 года Александром I министерств, прежняя генерал-прокуратура по Указам «О правах и обязанностях Сената»³¹ и «Об учреждении министерств»³² даже теряет свой исключительный статус среди государственных органов, превратившись в министерство юстиции.

В тоже время значительным шагом в упорядочивании, тщательном регламентировании и поднятии значения прокурорской службы становится Циркулярный ордер первого министра юстиции Российской Империи Г. Р. Державина. Подписанный 22 сентября 1802 года и разосланный для исполнения губернским прокурорам, тот содержал следующие положения применительно к уголовному судопроизводству. Прокурорам предписывалось в надзоре за следственными делами, с одной стороны, наблюдение «не происходит ли где кому пристрастных допросов, бесчеловеческих истязаний и притеснений всякого рода на обвинения в невинности»³³, а с другой – нет ли «упущения и послабления преступлениям, а наипаче сокрытие нестерпимых злодеяний»;

они должны ходатайствовать и настаивать в губернском правлении, «чтобы следствие было приведено в надлежащую ясность, точность и окончено с совершенным беспристрастием, так чтобы высшей инстанции не было ни сомнений, ни надобности требовать доследования»; когда следствие окончено и преступление открыто «предлежит тщательному бдению прокурора смотреть за правосудием». С изданием такого документа исторически впервые определяется такое направление прокурорской деятельности как надзор за деятельностью следственных органов в досудебном производстве³⁴.

Как видно надзорная деятельность прокурора в досудебном судопроизводстве проявляется в основном при ознакомлении с материалами оконченого расследования и при прочтении журналов для визирования. Очевидно, что путем замечаний, требований и предложений *post factum* невозможно было устранить пробелов и ошибок начального этапа расследования. Н. В. Муравьев писал по этому поводу, что прокуратура в тот период «являлась малозаметным и малозначимым придатком к полицейскому розыску и формальному суду на основании формальных же доказательств и улики»³⁵.

Слабые попытки наведения порядка на этом участке были предприняты Указом от 21 декабря 1834 года и ст. 3895 Свода учреждений государственных и губернских, которые определяли право стряпчих направлять предписания всем чинам полиции о безотлагательном и в установленные сроки устранении пороков расследования, в т.ч. и путем допроса конкретных лиц. А также Указами 1860 года «Об отделении следственной части от полиции», «Учреждением судебных следователей», «Наказом судебным следователям» «Наказом полиции о производстве первоначальных исследований по преступлениям и проступкам», «Наказом полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступки», которыми следственный аппарат передавался из ведения полиции в подчинение судебной власти (следователи по должности считались членами уездного суда) и министерству юстиции (назначение на должность судебного следователя осуществлялось министром юстиции по согласованию с губернатором).

В «Наказе судебным следователям» говорилось: «Его [прокурора] письменные требования... есть закон-

³¹ ПСЗ РИ-1. Т. XXVII. №20405.

³² ПСЗ РИ-1. Т. XXVII. №20405.

³³ Стряпчие получают право присутствовать при проведении допросов, но деле такой инструмент надзора распространение не получил.

³⁴ См.: *Кожевников О.А.* Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Екатеринбург, 2007. С.40; *Королев Г.Н.* Указ. соч. С.22.

³⁵ *Муравьев Н.В.* Указ. соч. С. 353.

ный и обязательный повод к начатию следствия (ст.11)»; о следствии, начатом по собственному усмотрению, а также об отправлении дела в надлежащее судебное место по окончанию следствия судебный следователь обязан был уведомить уездного стряпчего (ст.ст. 5, 109); в ряде случаев следователь обязывался представлять по требованию прокурора письменные сведения о положении следствия (ст. 25). Ст. 25 Учреждения судебных следователей устанавливала право прокурора знакомиться с материалами уголовного дела, а ст.30 – право давать следователю предложения. В предшествующем же следствию полицейском дознании ни прокуроры, ни стряпчие не принимали никакого ни наблюдательного, ни руководяще-процессуального участия. Самостоятельная деятельность прокурора на предварительном следствии, связанная с уголовным преследованием, ограничивается лишь его возбуждением, в основном «по делам безгласным, по коим нет истца». Несмотря на следующее из «Учреждения судебных следователей» определение прокурора как органа уголовного преследования, не указывалось, каким процессуальным актом он заканчивает эту деятельность на стадии следствия.

Нетрудно видеть, что перечисленные решения законодателя были половинчатыми. Прокурор при декларируемой значимости не получал эффективных рычагов как по надзору за следствием, так и в проведении публичного уголовного преследования от имени государства.

29 сентября 1862 года императором Александром II утверждена принятая Государственным советом программа судебной реформы – Основные положения преобразования судебной части в России (ОПП)³⁶, заложившая основу принятому впоследствии Уставу уголовного судопроизводства 1864 года (УУС)³⁷. Устав уголовного судопроизводства 1864 года (УУС) коренным образом сломал существующий порядок. Отделил власть обвинительную от власти судебной, закрепил отделение последней от власти административной, ввел всесловный суд, вернул уголовный процесс на рельсы состязательного противоборства сторон.

При этом прогрессивный законодатель не решился придать уголовному процессу форму полной состязательности. Уголовное судопроизводство стало следственно-состязательным (обвинительным). Законодатель, ставя задачей уголовного суда открытие в каждом деле безусловной истины, не исключил его

прямого участия в сборе доказательств и не обязывал решать дела только по тем данным, которые представлены сторонами. «В стремлении к этой цели, – писал И. Г. Щегловитов, – суд уголовный не может принимать в уважение желания сторон, – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует виновному»³⁸. Характер (тип) процесса определял и тот факт, что предварительное следствие по делам уголовным, проводимое судебными следователями, считавшимися органами суда, полностью базировалось на началах розыска. В тоже время, закреплением ключевых постулатов о: 1) разделении между различными органами полномочий по поддержанию обвинения (одним из процессуальных лиц которого стала прокуратура) и обеспечения защиты (присяжные поверенные и их помощники); 2) равенстве перед судом обвинения и защиты, как сторон, так и в объеме прав по исполнению своих обязанностей; 3) исключительности суда как органа, отправляющего правосудие и независимости его от власти административной, отчетливо проявилась, не будучи названная в законе, концепция трех основных уголовно-процессуальных функций. Расследование уголовных дел было отнесено к компетенции судебных следователей, находившихся в процессуальном и организационном подчинении окружного (уездного) суда. Прокурорский надзор стал составлять единую целостную и независимую от других административных органов вертикаль из обер-прокуроров, прокуроров и их товарищей при подчинении и под высшим наблюдением министра юстиции. При каждом ординарном суде, окружном суде и судебной палате, кассационных департаментах Сената устанавливались должности прокуроров и их товарищей как представителей специального государственного органа. Круг же их деятельности был замкнут исключительно в орбиту судопроизводства.

Сама смешанная природа уголовного процесса, заключавшего в себе розыскное и состязательное начала, с доминированием первого в досудебном производстве, предопределило роль прокурора в уголовном деле как одновременного представителя обвинения и надзора. В разделе «Прокурор» ОПП отмечалось, что «сущность прокурорской обязанности заключается: 1) в наблюдении за единообразным и точным применением закона; 2) в обнаружении и преследовании перед судом всякого нарушения законного порядка и в требовании распоряжений к его восстановлению; 3) в

³⁶ ПСЗ РИ-2. Т. XXXVII. №38761.

³⁷ ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. №41473.

³⁸ Щегловитов И.Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства. СПб., 1903. С. 47.

предложении суду предварительных заключений в случаях, означенных Уставами гражданского и уголовного судопроизводства». Обвинение и законоохранение [надзор] назвал главнейшими направлениями деятельности новой прокуратуры один из создателей УУС сенатор Н. А. Буцковский³⁹. На прокуратуру возложены две функции, – вторит ему профессор А.А. Мирлес: 1) возбуждать обвинение по преступлениям и поддерживать его на суде и 2) являться экспертом-юристом, дающим заключение по применению закона⁴⁰.

Предписания, охватывающие существо исключительных прав прокурора по постоянному надзору за производством расследования и коррелирующих ему обязанностей следователя и полиции в досудебном производстве включали в себя: непосредственную зависимость от прокурора полицейских чинов при производстве уголовных дознаний (ст.ст.35, 36 ОПП), право и обязанность прокурора на постоянное наблюдение [надзор] за производством следствия (ст. 278 УУС), обязанность следователя сообщать прокурору о всяком начатом им следствии, оставлении без последствий сообщений полиции, других административных властей и явки с повинной, а также полиции о произведенном дознании (ст.38 ОПП, ст.ст.250, 255, 263, 309, 310 УУС) и лицах задержанных при дознании и следствии (ст. 35, 51 ОПП, ст. 283 УУС), право прокурора по своему усмотрению присутствовать при следственных действиях и рассматривать следствие на месте без его остановки (ст. 43 ОПП, ст. 280 УУС), право ознакомиться с основанием применения следователем заключения под стражу и требовать от следователя ограничиться менее строгой мерой (ст. 51 ОПП, ст.283 УУС), в заключительной стадии предварительного следствия прокурор наделялся правом поставить перед судом вопрос о прекращении следствия (ст. 54 ОПП, ст.523 УУС). Последующие изменения в законодательство, имеющие своей целью развитие положений УУС (Временные правила от 15 марта 1866 года, Высочайше утвержденные правила от 13 мая 1871 года, Циркулярный ордер министерства юстиции от 15 марта 1870, Закон «О мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года и другие), расширяли полномочия прокурора по надзору за следствием. Органы расследования обязывались к его уведомлению о всяком начатом или прекращенном уголовном пре-

следовании, а также о готовящемся или совершенном государственном преступлении, препровождению прокурору копий всех постановлений об аресте, централизованном информировании прокурорской вертикали о заслуживающих особого внимания преступлениях. С 1896 года право осуществлять надзор за дознанием и следствием получили губернские прокуроры.

«Власть обвинительная, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурорам», «обличение обвиняемых... возлагается на прокуроров и их товарищей» (ст.4 ОПП, ст. 2, 4, 5 УУС) – была выражена квинтэссенция наделяния прокурора функцией уголовного преследования. Как писал С.И. Викторский: «Уголовное преследование – в смысле полномочия государства требовать расследования дела судебным порядком и наказания виновного»⁴¹. Реализуя его в досудебном производстве, прокурор требовал от судебного следователя начала предварительного следствия и возбуждал уголовное преследование (ст. 37 ОПП, ст.ст. 278, 281, 297, 311 и 312 УУС), мотивировано предлагал следователю задержать обвиняемого (ст.52 ОПП, ст.285 УУС), предъявлял следователю обязательные для исполнения требования «по всем предметам, относящимся к исследованию преступлений и собиранию доказательств» (ст.50 ОПП, ст. 281 УУС), требовал дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям (ст. 286 УУС), по окончании предварительного расследования составлял обвинительный акт, после убеждения в достаточности доказательств (ст. 55 ОПП, ст.ст.519, 520, 523, 527, 528, 537, 543 УУС). Заметим также, что исключительные полномочия прокурора по возбуждению уголовного преследования и распоряжению результатами предварительного следствия – подлежат делу передаче в суд, прекращению, приостановлению или направлению на дополнительное расследование, а также полномочия по направлению обязательных для следователя требований делали прокурора руководителем обвинительной власти и публичного уголовного преследования. Н.А. Буцковский писал, что «власть, имеющая право доследования и преследования, не может не иметь преобладающего влияния на производство следствия»⁴². С разрешением вопроса о предании обвиняемого суду завершалось преобладающее влияние прокурорского надзора на производство уголовного дела. В дальнейшем прокурорский надзор ограничивается в круге своих прав и обязанностей как сторона обвинения (уравненная в

³⁹ Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. Санкт-Петербург, 1867. С.7-64; Муравьев Н.В. Указ. Соч. С. 369-441.

⁴⁰ Мирлес А.А. Краткий курс русского уголовного процесса. Киев, 1909. С. 56.

⁴¹ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С.209.

⁴² Буцковский Н.А. Указ. соч. С.22.

правах со стороны защиты) уличающая обвиняемого в состязательном процессе посредством собранных для обвинения доказательств. Так реализовалась идея законодателя в сохранении за прокурором двух обязанностей – «обвинителя и блюстителя закона», которые «шли рука об руку»⁴³.

Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что УУС впервые заложил как идею процессуальной самостоятельности следователя в его отношениях с надзирающим прокурором, не имеющим права непосредственного производства предварительного следствия, так и идею процессуального судебного контроля суда за досудебным расследованием (ст.ст. 285, 523 УУС).

И. Я. Фойницкий, анализируя соответствующие положения УУС, делал следующий вывод: «Несмотря на чрезвычайно широкий объем работы по охранению закона, лежащий на прокуратуре, в деятельности ее преимущественное значение имеет другая сторона – обвинительная. Переходя в уголовном процессе от следственного порядка к состязательному, законодатель вынужден был озаботиться организацией обвинения, и возложил его на прокуратуру. В этом качестве она: руководит дознанием, наблюдает за предварительным следствием и возбуждает уголовное преследование»⁴⁴. И.Г. Щегловитов, оценивая деятельность прокурора в досудебном процессе как исключительно наблюдательную, поскольку участие сторон закон допускает лишь в суде (ст.630 УУС), ставил вопрос о недопустимости такого положения вещей. Ибо прокурор осуществляет надзор на предварительном следствии как будущая сторона в суде и не может быть объективен. Как следствие ратовал за равную с защитой деятельность прокуратуры на предварительном следствии, на полных началах состязательности и с арбитражем следственно-судебной власти⁴⁵. Между тем представляется более верным подход А. Ф. Кони и Н. Д. Сергеевского, писавших: «Лица прокурорского надзора приобретают особое значение, соединяя обязанности обвинителя и во многих отношениях функции дореформенного

губернского прокурора»⁴⁶ и: «Кроме судебных функций по возбуждению обвинений и проведению их на суде, на чинов прокуратуры возлагают функции надзора за порядком отправления правосудия, за соблюдением законов, а равно и заботы об охранении государственно-казенных интересов»⁴⁷. Уверенности такому выводу добавляет тот факт, что прокуроры в УУС, применительно к досудебным стадиям процесса никогда не назывались обвинителями.

Таким образом, реформированная прокуратура, оставаясь *de jure* органом исполнительной власти, непосредственно подчиненным правительству, в сравнении с губернской прокуратурой получила независимость от местных властей как в возбуждении и продвижении уголовного преследования, так и подлинную самостоятельность в обеспечении наблюдательной за предварительным следствием функции.

Возможности дальнейшего преобразования прокурорского надзора были предметом обсуждения в Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под руководством министра юстиции Н. В. Муравьева в период с 1894 по 1899 год⁴⁸, которая признала деятельность прокурорского надзора удовлетворительной, в каком виде он и просуществовал до событий октября 1917 года.

По результатам проведенного исследования можно заключить следующее:

1. Законодательством о российской прокуратуре, определяющим положение прокурора в ходе досудебного производства, исторически первой выделяется функция надзора (и как частное ее проявление – надзор за расследованием), из которой в дальнейшем, с совершенствованием формы процесса, выделяется функция уголовного преследования;
2. Последующей деятельности отечественного законодателя характерно преемственное развитие института прокурора как органа, одновременно осуществляющего в досудебных стадиях уголовного процесса функции надзора и уголовного преследования в поиске наделения прокурора эффективными средствами для достижения стоящих перед ним в уголовном судопроизводстве целей;
3. Достижение прокурором, как целей надзора, так и целей уголовного преследования осуществляется посредством приданных ему полномочий по наблюдению за предварительным следствием (пере-

⁴³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Санкт-Петербург, 1867. Ч.2.С.102.

⁴⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1996. Т.1. С.533.

⁴⁵ Щегловитов И.Г. Прокуратура на предварительном следствии// Юридический вестник Московского юридического общества. М., 1887. Том XXVI. Книга первая. С.89. Позднее данную позицию разделил Жук О.Д. в работе «Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций)». М., 2004. С.71-75.

⁴⁶ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры. Петроград, 1924. С. 5.

⁴⁷ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 41.

⁴⁸ Высочайше утвержденная Комиссия по пересмотру законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т.1. Санкт-Петербург, 1895. С. 175-176.

- чень которых и порядок реагирования на нарушения был нормативно закреплён) с помощью одного и того же процессуального инструментария;
4. В выражении этих двух направлений деятельности прокуратура Российской Империи на завершающем этапе своего становления вполне соответствовала зарубежным демократическим образцам прокурорской службы;
 5. Учитывая сохранившуюся смешанную природу созданного УУС уголовного процесса в его досудебных стадиях, соотношение и соподчиненность надзорной функции и функции уголовного преследования зависит, прежде всего, от включения и развития начал состязательности в досудебное производство и их соотношения с началами розыска.

Библиография:

1. Беляев В.П., Борисов Г.А., Горячковская Ю.М., Теплов В.М. Прокурорский надзор в России: Историко-теоретический очерк. Белгород, 2001.
2. Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. Санкт-Петербург, 1867.
3. Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до-Екатерининского времени. Харьков, 1915.
4. Веретенников В.И. К истории Екатерининской генерал-прокуратуры. Харьков, 1914.
5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
6. Высочайше утвержденная Комиссия по пересмотру законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т.1. Санкт-Петербург, 1895.
7. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866.
8. Жук О.Д. в работе «Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций)». М., 2004.
9. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993.
10. Кожевников О.А. История прокурорского надзора за законностью расследования преступлений (1722 – 1917). Екатеринбург, 2004.
11. Кожевников О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Екатеринбург, 2007.
12. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры. Петроград, 1924.
13. Королев Г.Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Книга первая. Нижний Новгород, 2004.
14. Мирлес А.А. Краткий курс русского уголовного процесса. Киев, 1909.
15. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889.
16. Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725): историко-правовой очерк. – Новосибирск, 2002.
17. Соколов В. О прокурорском надзоре. М., 1869.
18. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Санкт-Петербург, 1867. Ч.2.
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1996. Т.1.
20. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
21. Чернявский Н. Прокурорская власть. Нижний Новгород, 1917.
22. Щегловитов И.Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства. СПб., 1903.
23. Щегловитов И.Г. Прокуратура на предварительном следствии // Юридический вестник Московского юридического общества. М., 1887. Том XXVI. Книга первая.
24. Р. Е. Токарчук. Особенности представлений о преступном деянии в Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 года // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
25. С.В. Кодан. Систематизация местных узаконений прибалтийских губерний Российской империи (1720-1860-е гг.) // Политика и Общество. – 2013. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.01.14
26. С. А. Февралёв. Местные правовые системы национальных регионов в политике российской верховной власти (вторая половина XVII – начало XX вв.) // Политика и Общество. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
27. Д.А.Полезенко. Основные юридические концепции соотношения и взаимодействия государственной власти и местного самоуправления, разрабатываемые в Российской Империи (1864-1917 гг.) // Политика и Общество. – 2010. – № 6.
28. С. В. Кодан. Политико-юридическая методология в исследовании истории модернизации государственно-правовой системы России (XIX – начало XX вв.) // Политика и Общество. – 2012. – № 3. – С. 104-107.
29. Кодан С.В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX вв.) // NB: Проблемы общества и политики. – 2012. – № 2. – С.88-117. DOI: 10.7256/2306-0158.2012.2.177. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_177.html
30. Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право Великого Княжества Финляндского в правовой системе Российской Империи: интеграция, источники, трансформации (1808-1917 г.) // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 3. – С.258-317. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.3.498. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_498.html
31. Кодан С.В., Февралёв С.А. Состояние, развитие и унификация местного права Малороссии и западных губерний (вторая половина XVII – первая половина XIX вв.) // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 5. – С.268-295. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.5.579. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_579.html

32. Кодан С.В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800-1850-е гг.) // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – № 2. – С.117-145. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.152. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_152.html
33. Кодан С.В. Создание Основных законов Российской империи в деятельности Комиссии составления законов (1800-1820-е гг.) // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – № 3. – С.149-175. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.3.167. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_167.htm
34. Глушков А.И. Роль прокурора в обеспечении реализации принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса // Административное и муниципальное право. – 2013. – 5. – С. 482 – 485. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.05.14.

References (transliterated):

1. Belyaev V.P., Borisov G.A., Goryachkovskaya Yu.M., Teplov V.M. Prokurorskii nadzor v Rossii: Istoriko-teoreticheskii ocherk. Belgorod, 2001.
2. Butskovskii N.A. O deyatel'nosti prokurorskogo nadzora vsledstvie otdeleniya obvinitel'noi vlasti ot sudebnoi. Sankt-Peterburg, 1867.
3. Veretennikov V.I. Ocherki istorii general-prokuratury v Rossii do-Ekaterininskogo vremeni. Khar'kov, 1915.
4. Veretennikov V.I. K istorii Ekaterininskoi general-prokuratury. Khar'kov, 1914.
5. Viktor'skii S.I. Russkii ugolovnyi protsess. M., 1912.
6. Gradovskii A.D. Vysshaya administratsiya Rossii XVII stoletiya i general-prokurory. SPb., 1866.
7. Zhuk O.D. v rabote «Ugolovnoe presledovanie po ugolovnym delam ob organizatsii prestupnykh soobshchestv (prestupnykh organizatsii). M., 2004.
8. Kazantsev S.M. Istoriya tsarskoi prokuratury. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1993.
9. Kozhevnikov O.A. Istoriya prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu rassledovaniya prestuplenii (1722 – 1917). Ekaterinburg, 2004.
10. Kozhevnikov O.A. Uchastie prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva. Ekaterinburg, 2007.
11. Koni A.F. Priemy i zadachi prokuratury. Petrograd, 1924.
12. Korolev G.N. Uchenie ob ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti prokurora. Kniga pervaya. Nizhnii Novgorod, 2004.
13. Mirles A.A. Kratkii kurs russkogo ugolovnogo protsessa. Kiev, 1909.
14. Murav'ev N.V. Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatel'nosti. Posobie dlya prokurorskoi sluzhby. M., 1889.
15. Serov D.O. Prokuratura Petra I (1722–1725): istoriko-pravovoi ocherk. – Novosibirsk, 2002.
16. Sokolov V. O prokurorskom nadzore. M., 1869.
17. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Sankt-Peterburg, 1996. T.1.
18. Shel'tsov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuznykh gosudarstvakh. SPb., 1995.
19. Chernyavskii N. Prokurorskaya vlast'. Nizhnii Novgorod, 1917.
20. Shcheglovitov I.G. Osnovnye nachala sovremennogo ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb., 1903.
21. Shcheglovitov I.G. Prokuratura na predvaritel'nom sledstvii // Yuridicheskii vestnik Moskovskogo yuridicheskogo obshchestva. M., 1887. Tom XXVI. Kniga pervaya.
22. R. E. Tokarchuk. Osobennosti predstavlenii o prestupnom deyanii v Sobornom ulozhenii tsarya Alekseya Mikhailovicha 1649 goda // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
23. S.V. Kodan. Sistematzatsiya mestnykh uzakonenii pribaltiiskikh gubernii Rossiiskoi imperii (1720-1860-e gg.) // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.01.14
24. S. A. Fevralev. Mestnye pravovye sistemy natsional'nykh regionov v politike rossiiskoi verkhovnoi vlasti (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.) // Politika i Obshchestvo. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
25. D.A. Poleshchenko. Osnovnye yuridicheskie kontseptsii sootnosheniya i vzaimodeistviya gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya, razrabatyvaemye v Rossiiskoi Imperii (1864-1917 gg.) // Politika i Obshchestvo. – 2010. – № 6.
26. S. V. Kodan. Politiko-yuridicheskaya metodologiya v issledovanii istorii modernizatsii gosudarstvenno-pravovoi sistemy Rossii (XIX – nachalo XX vv.) // Politika i Obshchestvo. – 2012. – № 3. – С. 104-107.
27. Kodan S.V. Politiko-yuridicheskii podkhod v issledovanii gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii (XIX – nachalo XX vv.) // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2012. – № 2. – С.88-117. DOI: 10.7256/2306-0158.2012.2.177. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_177.html
28. Kodan S.V., Fevralev S.A. Mestnoe pravo Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo v pravovoi sisteme Rossiiskoi Imperii: integratsiya, istochniki, transformatsii (1808-1917 g.) // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 3. – С.258-317. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.3.498. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_498.html
29. Kodan S.V., Fevralev S.A. Sostoyanie, razvitie i unifikatsiya mestnogo prava Malorossii i zapadnykh gubernii (vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XIX vv.) // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 5. – С.268-295. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.5.579. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_579.html
30. Kodan S.V. Soslovnoe zakonodatel'stvo v politike rossiiskoi verkhovnoi vlasti (1800-1850-e gg.) // NB: Voprosy prava i politiki. – 2012. – № 2. – С.117-145. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.152. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_152.html
31. Kodan S.V. Sozdanie Osnovnykh zakonov Rossiiskoi imperii v deyatel'nosti Komissii sostavleniya zakonov (1800-1820-e gg.) // NB: Voprosy prava i politiki. – 2012. – № 3. – С.149-175. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.3.167. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_167.htm
32. Glushkov A.I. Rol' prokurora v obespechenii realizatsii printsipa sostyazatel'nosti storon na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013. – 5. – С. 482 – 485. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.05.14.